

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосв. Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского [и Кашинского] († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819–1850 гг.) Годы: 1834–1838] // Богословский вестник 1897. Т. 2. № 4. С. 97–128 (3-я пагин.). (Продолжение.)

— 97 —

Козлова, О. Глики, Байрона (въ русскомъ переводѣ) и 1834 г. др. У меня и теперь сохраняется нѣсколько рукописныхъ сборниковъ разныхъ стихотвореній.

Не мало также прочитано и сдѣлано было мною выписокъ изъ сочиненій прозаическихъ разныхъ авторовъ. Хранятся у меня и эти выписки.

Не долго пришлось мнѣ жить на квартирѣ: въ концѣ сентября (1834 г.) я принять былъ въ бурсу на казенное содержаніе и помѣщенъ въ 4-мъ номерѣ. Инспекторъ о. Израиль поручилъ меня особому попеченію комнатнаго старшаго.

Бурса помѣщалась за рѣчкою Лыбедью, въ довольно большомъ деревянномъ, съ антресолями, домѣ. При немъ былъ еще одинъ небольшой деревянный флигель. При домѣ довольно обширный садъ съ липовою тѣнистою аллеєю и нѣсколькими фруктовыми деревьями. Въ бурѣ насъ было около 120 человекъ. Содержаніе нищею было довольно удовлетворительно. Одежда лѣтняя: нанковый сѣренькій сюртучекъ съ такими же брюками и жилетомъ и нанковый же голубой халатъ; зимняя: овчинный тулупъ, покрытый такою же, какъ на халатѣ, нанкою; сапоговъ выдавалось пары двѣ съ половиною; о калошахъ не было тогда и въ поминѣ. Бѣлья носильнаго и постельнаго выдавалось довольно достаточно. На полное годовое содержаніе каждаго воспитанника отпускалось изъ казны, какъ я слыхалъ, не болѣе 30 р. серебромъ.

Жизнь наша въ бурѣ располагалась, разумѣется, по звонкамъ; но такъ какъ не было надъ нами ближайшаго начальственнаго надзора, то и не было строгаго соблюденія узаконенныхъ порядковъ, съ крайней мѣрѣ, относительно учебныхъ занятій. Должно замѣтить, что на ряду съ лѣнивыми и бездарными учениками было въ каждомъ классѣ не мало учениковъ даровитыхъ и весьма прилежныхъ, съ любовію занимавшихся науками. Поэтому, одни изъ этихъ послѣднихъ любили заниматься чтеніемъ книгъ или сочиненіями долго съ вечера, иногда далеко за полночь; другіе имѣли привычку очень рано вставать съ тѣми же научными цѣлями. Я принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Бывало, для того, чтобы написать какой-нибудь періодъ или хрію, я вставалъ съ постели часа въ два-три по полуночи. Къ сожалѣнію,

1834 г. опыты этихъ полуночныхъ произведеній моего юношескаго пера не сохранились у меня; я отдалъ ихъ, по переходѣ въ среднее отдѣленіе, одному изъ знакомыхъ учениковъ, младшему меня по курсу, для образца, и обратно не получилъ.

На ученикахъ словесности, по заведенному изстари обычаю, лежала повинность облегчать письменные труды старшихъ учениковъ—богослововъ. Не миновала и меня эта повинность, тѣмъ болѣе, что я писалъ лучше многихъ моихъ сверстниковъ. Но я служилъ переписчикомъ не только для старшихъ учениковъ, но и для наставниковъ. Такъ, на мнѣ лежала обязанность переписывать каждый разъ проповѣди моего главнаго наставника Я. И. Владыкина, хотя онъ не имѣлъ тогда священнаго сана. Въ то время всѣмъ преподавателямъ семинаріи, не имѣвшимъ гражданскихъ чиновъ, назначались очередныя проповѣди для произношенія въ кафедральномъ соборѣ, или вообще, при архіерейскомъ служеніи, въ праздничные и высокаторжественные дни; и эти проповѣди выслушивались съ особеннымъ вниманіемъ, какъ произведенія людей умныхъ и образованныхъ. Очень жаль, что въ настоящее время преподаватели духовныхъ семинарій освобождены отъ исполненія этой важной и священной обязанности.

Проповѣди Я. И. Владыкина всегда встрѣчали отъ преосвященнаго Пароенія самый одобрителный отзывъ. И не удивительно: онъ былъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ наставниковъ семинаріи, хотя и не имѣлъ степени магистра. Но о немъ извѣстно, что онъ, бывши студентомъ младшаго курса въ Московской духовной академіи (въ 1826—28 г.), занималъ въ спискѣ едва ли не первое мѣсто. Между тѣмъ, по переходѣ на старшій курсъ, онъ, не переставая заниматься науками, не хотѣлъ, по своему характеру, подчиняться дисциплинарнымъ академическимъ порядкамъ. Слѣдствіемъ сего было то, что онъ былъ вынесенъ изъ перваго разряда во второй и окончилъ курсъ въ 1830 году со степенью кандидата. Сознавши впоследствии свою ошибку, онъ былъ очень недоволенъ своею судьбою, особенно при видѣ своихъ товарищей по образованію, низшихъ его по умственнымъ дарованіямъ, но опередившихъ его по службѣ.

Яковъ Ильичъ очень внимательно занимался составленіемъ

своихъ проповѣдей и весьма дорожилъ ими. Онъ никогда не давалъ мнѣ своихъ черновыхъ листовъ для переписки на бѣло въ бурсѣ; но всегда призывалъ меня къ себѣ въ квартиру и диктовалъ мнѣ, держа въ то же время въ зубахъ трубку съ табакомъ, къ немалому для меня соблазну. Онъ имѣлъ обыкновеніе почти каждый годъ перечитывать свои проповѣди и писать о нихъ одобрителные или неодобрителные отзывы. Къ сожалѣнію, кажется, ни одна изъ его проповѣдей нигдѣ и никогда не была напечатана.

Кромѣ Владыкина, я служилъ своимъ каллиграфическимъ искусствомъ и для другого своего наставника Г. Е. Вознесенскаго. Разъ я переписывалъ для него какую-то не большую диссертацию, которую онъ сочинилъ для своего родственника или друга-студента какого-то высшаго учебнаго заведенія въ Петербургѣ. Въ другой разъ переписывалъ краткую мѣологію, составленную имъ для дочери священника Ильинской церкви, въ домѣ коего онъ квартировалъ. Знаніе мѣологіи, при тогдашнемъ воспитаніи, имѣло важное значеніе.

Въ первой половинѣ октября (1834 года) во Владимірѣ совершилось очень важное событіе. Городъ осчастливленъ былъ посѣщеніемъ Государя Императора Николая Павловича. Его Величество прибылъ во Владиміръ 11-го числа вечеромъ, а 12-го утромъ посѣтилъ кафедральный Успенскій соборъ. Я, вмѣстѣ съ товарищами, поспѣшилъ насладиться, въ первый разъ въ жизни, лицезрѣніемъ Царя; но—увы! вмѣсто Царя я засмотрѣлся на губернатора, украшеннаго Аннинскою лентою, воображая, что это именно Государь, между тѣмъ какъ Государь былъ въ простой генеральской шинели; а губернаторомъ въ то время былъ у насъ С. Т. Ланской, впоследствии сенаторъ. Къ моему счастью, на другой день, 13-го числа, послѣ литургіи въ церкви Богоугодныхъ заведеній, Государь снова изволилъ посѣтить соборъ, и тутъ-то я уже вполне насладился лицезрѣніемъ Великаго Самодержца. Вотъ какъ преосвящ. Пароній описывалъ это событіе въ письмѣ къ митрополиту Новгородскому Серафиму отъ 2 ноября 1834 года: „И горькіе Владимірцы, наконецъ, имѣли счастье видѣть на стогнахъ своихъ Всероссійскаго Самодержца. Изволилъ слушать Божественную литургію 13-го октября въ день рожденія Великаго князя Михаила

1834 г. Николаевича и въ приказѣ Оберъ-Прокурора пожаловалъ священнику съ діакономъ и на пѣвчихъ архіерейскихъ 500 рублей. Въ соборѣ, гдѣ св. мощи и много другихъ гробницъ великокняжескихъ и ихъ фамилій, много любоньтствовалъ, и, кажется, моими объясненіями остался доволенъ: при сопровожденіи мною изъ собора послѣднее его слово было: „благодарю васъ“¹⁾.

Во Владимірѣ оказались у меня родственники, хотя и не близкіе: губернской землемѣръ Михаилъ Аверкіевичъ Аверкіевъ и архіерейскій иподіаконъ Андрей Григорьевичъ Дроздовъ. Послѣдній мнѣ съ дѣтства еще извѣстенъ: онъ сынъ діакона Шуйской Троицкой церкви; его мать Прасковья Матвѣевна доводилась мнѣ, кажется, троюродною сестрой, и всегда была къ нашему семейству весьма расположена.

По первый, т. е. М. А. Аверкіевъ, мнѣ не былъ лично извѣстенъ, хотя онъ приходился мнѣ двоюродный или троюродный дядя по Палеховскому родству. Съ нимъ познакомила меня моя родная тетка, сестра моего отца, Аграфена Сергѣевна. Онъ пригласилъ меня бывать у него въ воскресные и праздничные дни по вечерамъ, и я съ удовольствіемъ, разумѣется, воспользовался его приглашеніемъ. Онъ не былъ жепать, но у него былъ порядочный кругъ родныхъ во Владимірѣ; всѣ они по праздничнымъ днямъ вечеромъ собирались къ нему для карточной забавы. Въ этотъ-то чиновничій кругъ вступилъ и я, и здѣсь началъ знакомиться съ приличіями свѣтской жизни, хотя и не очень высокою.

Незамѣтно прошла первая, самая трудная для меня учебная треть. Предъ Рождественскими праздниками, кромѣ частныхъ экзаменовъ, были у насъ въ залѣ богословскаго класса, какъ болѣе другихъ просторной, общія собранія наставниковъ и учениковъ, недавно заведенныя ректоромъ Неофитомъ. На этихъ собраніяхъ лучшіе ученики старшихъ классовъ читали съ каеэдры свои сочиненія, одобренныя къ произнесенію ректоромъ, а ученики низшаго отдѣленія читали предъ каеэдрою наизусть латинскія рѣчи и русскія стихотворенія. Мнѣ на первый разъ довелось читать въ

¹⁾ *Влад. Еп. Влад.* 1878 г. № 21, стр. 621—622.

собрании латинскую рѣчь Цицерона: Quousque tandem Catilina abuteris patientiâ nostrâ et caet... Подобныя чтенія служили не малымъ поощреніемъ для учениковъ къ занятіямъ въ сочиненіяхъ. 1835 г.

На праздникъ Рождества Христова я по необходимости долженъ былъ остаться во Владимірѣ, такъ какъ пѣшкомъ идти на родину, болѣе 100 верстъ, въ холодную пору, было неудобно, а нанять подводу не было средствъ. Въ воскресныя и праздничныя дни къ богослуженію мы ходили обыкновенно въ ближайшую приходскую церковь—Воскресенскую, гдѣ болѣе способные изъ насъ читали и пѣли на клиросахъ.

Въ бурсѣ же за тѣмъ провелъ я сырую недѣлю и Пасху.

Въ праздничныя дни и вообще въ часы, свободныя отъ занятій, не возбранялось ученикамъ семинаріи, заниматься музыкою и пѣніемъ. Пѣкоторые изъ учениковъ хорошо играли на гусяхъ, на скрипкѣ, флейтѣ и кларнетѣ. Я помню хорошихъ игроковъ на гусяхъ Астудина и Никольскаго (впослѣдствіи поступившаго въ монашество въ Московскій Покровскій монастырь, съ именемъ Пимена). Пытался было и я учиться играть на гусяхъ, но неостало терпѣнія. Вообще ни къ музыкѣ, ни къ поэзіи у меня не было призванія.

Между учениками бурсы не мало было съ хорошими и сильными голосами; поэтому не рѣдко можно было слышать въ нашихъ стѣнахъ веселое и громкое пѣніе. Изрѣдка, по вечерамъ, тайкомъ происходили у насъ и сценическія представленія. Но все это было только въ первые два года моего пребыванія въ бурсѣ; съ выходомъ изъ семинаріи старшихъ учениковъ, всѣ эти болѣе или менѣе благородныя увеселенія стали мало по малу исчезать и замѣняться другими, болѣе грубыми забавами, какъ-то: игрою въ карты, въ шашки, а лѣтомъ въ кегли и городки. Бывали не рѣдко и случаи нетрезвости.

Наступилъ май. Въ семинаріи, такъ же какъ и въ училищахъ, продолжались еще въ наше время, такъ называемыя рекреаціи, хотя онѣ происходили далеко уже не въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ были при прежнемъ ректорѣ, архимандритѣ Павлѣ. Теперь не было уже того хожденія

1835 г. цѣлою тысячною толпою на архіерейскій дворъ и громогласнаго пѣнія на латинскомъ діалектѣ, коимъ привѣтствовали Владыку, когда онъ появлялся у окна своихъ покоевъ, просили у него рекреациі и за тѣмъ благодарили: но въ извѣстный день, избранный семинарскимъ начальствомъ приходилъ въ классы инспекторъ и объявлялъ намъ о рекреациі, иногда для насъ совершенно неожиданно. Бывали въ этотъ день прогулки и за городъ, въ Марьину рошу; но тамъ не было уже такихъ собраній гостей, какія бывали въ прежнія времена; при насъ не было ни разу посѣщенія роши ни преосвященнымъ, ни губернаторомъ; даже не всегда пріѣзжалъ и ректоръ. Являлись только нѣкоторые изъ молодыхъ наставниковъ и развѣ еще иногда инспекторъ для наблюденія за порядкомъ. О томъ, какъ происходили рекреациі во Владимірской семинаріи въ прежнее время, подробныя свѣдѣнія заключаются въ „Воспоминаніяхъ П. С. А.“, помѣщенныхъ во *Владимірскихъ Епархіальныхъ Видомостяхъ* за 1875 годъ (№ 12, стр. 590—596).

21-го мая во Владимірѣ ежегодно совершается великое церковное торжество. Въ этотъ день приносится въ городъ изъ Боголюбова монастыря древняя чудотворная икона Боголюбской Божіей Матери. Къ этому времени стекаются десятки тысячъ богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ. Для срътенія этой святыни выходитъ обыкновенно архіерей со всѣмъ градскимъ духовенствомъ изъ кафедральнаго собора и останавливается у Сергіевской церкви, что противъ семинаріи. Здѣсь совершается краткое молебствіе, и за тѣмъ шествіе направляется къ кафедральному собору. По совершеніи на другой день въ соборѣ торжественной литургіи, икону переносятъ, согласно предварительно составленному росписанію, поочередно во всѣ градскія церкви и монастыри, и это продолжается до 16-го числа іюня.— между тѣмъ, во время пребыванія этой святыни въ городѣ, съ нею, въ три воскресные дня, обходятъ вокругъ всего города. Въ каждой церкви, гдѣ пребываетъ икона, совершается праздничное богослуженіе и ученики семинаріи, посвященные въ стихарь, говорятъ проповѣди.

Крестный ходъ съ иконою Боголюбской Божіей Матери учрежденъ, по ходатайству Владимірскихъ гражданъ, въ

1772 году въ память избавленія города отъ чумы, зане- 1835 г
сенной сюда въ 1771 г. изъ Москвы.

Боголюбовъ монастырь, которому принадлежитъ эта досто-
чтимая святыня, основанъ въ 1158 году великимъ княземъ
Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ
явилась ему ночью Божія Матерь. Отъ Владиміра онъ
отстоитъ верстахъ въ десяти.

Около 15-го числа іюля, по окончаніи частныхъ испы-
таній, ежегодно былъ публичный экзаменъ. Къ этому экза-
мену всегда были такія-же приготовленія въ семиваріи,
какъ и описанныя мною выше въ Шуйскомъ училищѣ,
т. е. заготовлялись древесныя листья и разнаго рода цвѣты,
и ими украшалась обширная богословская зала, только съ
большимъ, разумѣется, вкусомъ и изяществомъ, — и сверхъ
сего, по стѣнамъ, развѣшивались царскіе портреты, не
знаю, откуда приносимые. Въ назначенный часъ собира-
лась въ залъ избранная городская публика, начная съ
губернатора. Когда входилъ въ нее архимонастырь, встрѣ-
ченный у параднаго крыльца семинарскою корпораціей,
два хора пѣвчихъ — архіерейскій и семинарскій пѣли:
Царю небесный. Одинъ изъ учениковъ богословія произ-
носилъ предъ публикою привѣтственную рѣчь. За тѣмъ
производилось испытаніе учениковъ, заранѣе назначенныхъ,
по разнымъ предметамъ. Испытаніе прерывалось пѣніемъ
концертовъ. Послѣ испытанія раздавались архіереемъ луч-
шимъ ученикамъ награды книгами. Мнѣ досталась напер-
вый разъ книга: „Правила политическія А. Байбикова“ ¹⁾.
За тѣмъ другимъ ученикомъ богословія произносилась благо-
дарственная рѣчь. Торжественный актъ заканчивался пѣ-
ніемъ: *Достойно сътъ*. — За тѣмъ почетные посѣтители
приглашались къ ректору на чай и закуску.

Послѣ частныхъ испытаній и публичнаго экзамена, 8 че-
ловѣкъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія назначены были
въ академіи — Петербургскую и Кіевскую — по четыре въ
ту и другую.

На другой день публичнаго экзамена, послѣ благодар-
ственного молебна, отправляемаго обыкновенно ректоромъ,
насъ отпускали въ дома родителей и родственниковъ.

¹⁾ Книга эта, съ 1774 по 1826 годъ выдержала 10 изданій. См. Россійскія
книги бібліотеки А. Смирдина, № 6067.

1835 г. Какъ проведена была мною на родинѣ первая семинарская ваканція, хорошо не помню. Разумѣется, все время прошло въ переселеніяхъ съ одного мѣста на другое, отъ однихъ родныхъ къ другимъ.

Возвратившись въ первыхъ числахъ сентября во Владиміръ, я продолжалъ съ усердіемъ заниматься исполненіемъ своихъ школьныхъ обязанностей и съ особенною любовію чтеніемъ книгъ и выписками изъ нихъ. Къ нашему великому счастью, около этого времени открыта была во Владиміръ Публичная Библіотека, куда не возбраненъ былъ доступъ и для насъ — школьничковъ. Бѣда только та, что часы, въ которые открыта была бібліотека, совпадали съ нашими учебными часами. Сидишь, бывало, въ классѣ, а мыслию и сердцемъ стремишься къ бібліотекѣ, чтобъ почитать тамъ новую какую-либо книжку или новый журналъ. Искушеніе это такъ иногда было сильно, что, не смотря на опасеніе подвергнуться штрафу, оставляешь классъ, особенно по какому-нибудь второстепенному предмету въ родѣ гражданской исторіи или греческаго языка, и бѣжишь въ бібліотеку, остерегаясь только, чтобы дорогою не попасть на глаза ректору или инспектору.

Кстати объ инспекторѣ. Въ октябрѣ 1835-го года покровитель мой о. Израиль назначенъ былъ ректоромъ въ Калужскую семинарію съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Вотъ что писалъ по этому поводу преосвященный Паресній Новгородскому митрополиту Серафиму отъ 1-го ноября: „Изъ Владиміра взяли инспектора въ Калугу въ ректоры; стоятъ того. Даютъ намъ, какъ говорятъ, магистра іеромонаха — владимірца. Дай Богъ, чтобъ былъ не просто хорошъ, а счень хорошъ. По огромности семинаріи (болѣе 700 учениковъ), да и потому, что ректоръ Владимірской семинаріи, очень долго и отлично служащій, глядитъ или въ Питеръ на чреду или въ архіерен, и инспекторъ могъ-бы заступить его мѣсто и поддержать порядокъ въ семинаріи“¹⁾.

Достигшій до преосвященнаго слухъ относительно преемника о. Израиля оправдался. На его мѣсто къ намъ прислали только лишь окончившаго курсъ въ Петербургской академіи со степенію магистра іеромонаха Митрофана

¹⁾ Влад. Еп. Вѣд. 1875 г. № 22, стр. 641.

(Добронадеждина), родомъ изъ Владимірской епархіи. Молодой, очень красивый собою, съ свѣтлымъ умомъ и съ добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ, онъ позволеніемъ своимъ произвелъ на насъ самое благопріятное впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, онъ не очень долго былъ у насъ инспекторомъ; чрезъ три-четыре года его постигла самая горькая участь, — о чемъ рѣчь будетъ впереди.

Наступилъ обычной чередой 1836 годъ.

Съ ревностію занимаясь науками, я старался избѣгать всякихъ лишнихъ знакомствъ и никому не навязывался съ своею дружбой; между тѣмъ, моей дружбы многіе изъ товарищей какъ въ бурсѣ, такъ и внѣ ея, заискивали. Нѣкоторымъ изъ этихъ искателей, какъ правившимся мнѣ своимъ умомъ и добрыми качествами, я отвѣчалъ взаимною дружбою и довѣріемъ; прочихъ старался только не огорчать своею холодностію и невниманіемъ. Между прочимъ, завелъ со мною знакомство ученикъ 1-го низшаго отдѣленія Александръ Рождественскій, сынъ эконома архіерейскаго дома, игумена Космина монастыря Амвросія (изъ вдовыхъ священниковъ). Рождественскій жилъ въ архіерейскомъ монастырѣ и не рѣдко приглашалъ меня къ себѣ пить чай; давалъ мнѣ изъ библіотеки своего отца, для чтенія, книги. Однажды онъ далъ мнѣ въ отличномъ сафьяновомъ переплетѣ книгу: „Освобожденный Іерусалимъ“, *Tassa* въ русскомъ переводѣ¹⁾. Только лишь я пришелъ съ этой книгой въ бурсу и положилъ ее передъ собою на столѣ, чтобы, выучивши заданный урскъ, сейчасъ-же приняться за ея чтеніе, какъ вдругъ пріѣзжаетъ ректоръ семинаріи и не одинъ, а съ ректоромъ Владимірскаго училища, протоіереемъ П. П. Остроумовымъ — магистромъ, отличавшимся необыкновенно быстрымъ взглядомъ и пылкимъ характеромъ. Ректоръ семинаріи прошелъ чрезъ нашу комнату, не замѣтивъ или не обративъ вниманія мою книгу: но о. Остроумовъ, шедшій позади его, увидавъ эту книгу и быстро развернувъ ее, закричалъ во все горло: „о. ректоръ, посмотрите, какія

¹⁾ Песня эта извѣстна въ переводахъ на русскій языкъ трехъ переводчиковъ—М. Попова, А. С. Шникова и С. Москательникова. См. Респисъ книги библіотеки *Смѣрдина* № 6736—38. Въ моихъ рукахъ былъ, вѣроятно, переводъ послѣдняго.

1836 г. книги читають ваши ученики“. Ректоръ, возвратившись на этотъ крикъ изъ сосѣдней комнаты и посмотрѣвши мою книгу, не сдѣлалъ никакого замѣчанія: по всей вѣроятности, онъ видѣлъ ее также, какъ и я, въ первый разъ въ жизни и не зналъ ея содержанія. Но, по русской пословицѣ, что запрещено, то подслащено; и потому я тѣмъ съ большимъ любопытствомъ началъ. въ тотъ-же вечеръ, читать осужденную протоіереемъ Остроумовымъ книгу.

Игумена Амвросія — отца моего товарища Рождественскаго я лично не зналъ и никогда его не видалъ: онъ, по порученію преосвященнаго, постоянно жилъ въ Москвѣ, ведя тяжельный процессъ съ арендаторомъ принадлежащаго Владимірскому архіерейскому дому подворья, называемаго Суздальскимъ и находящагося на Софійской улицѣ, смежной съ Кузнецкимъ мостомъ.

Косминъ монастырь, коимъ заочно управлялъ игумень Амвросій, находился въ 40 верстахъ отъ Владиміра близъ большой Юрьевской дороги. Онъ основанъ въ 1494 году препод. Космою, уроженцемъ Владимірскимъ, коего мощи почиваютъ здѣсь подъ спудомъ. Монастырь этотъ, кромѣ своей древности, замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ немъ около 10-ти лѣтъ (1666—1675 г.) настоятельствовалъ, въ санѣ игумена, св. Митрофанъ, впоследствии первый епископъ Воронежскій. Съ его собственноручною подписью (1666 года) сохраняется донинѣ въ монастырѣ напрестольное Евангеліе ¹⁾.

На сырной недѣлѣ 1836 года товарищъ и пріятель мой Рождественскій вздумалъ ѣхать въ Косминъ монастырь. Можетъ быть, отецъ поручилъ ему посмотрѣть, какъ братія ввѣренной ему обители проводятъ дни сырной недѣли и удостовѣриться въ цѣлости бутылокъ съ разными наливками, во множествѣ хранившихся въ монастырскомъ подвалѣ. Рождественскій пригласилъ и меня съ собою. Я рать былъ подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотрѣть древнюю, но убогую обитель. Мы пробыли тамъ не болѣе сутокъ.

Кромѣ Рождественскаго, я имѣлъ болѣе тѣсную дружбу, которая потомъ никогда не прекращалась, съ слѣдующими товарищами: Михаиломъ Граменицкимъ, Иваномъ Валедицкимъ и Василиемъ Богородскимъ.

Въ мартѣ 1836 года мнѣ исполнилось 17-ть лѣтъ. Въ

¹⁾ Вид. *Епарх. Вѣдом.* 1870 г. № 5, стр. 206 и сл.

это время во мнѣ начало пробуждаться чувство приличія 1836 г
въ отношеніи къ одеждѣ, тѣмъ болѣе, что наше казенное
платье было очень непрочно и не изящно. Выданный мнѣ,
при поступленіи моемъ въ бурсу, нанковый сюртукъ съ
брюками чрезъ полтора года такъ затерся, не смотря на
мою бережливость, что мнѣ совѣстно было въ немъ пока-
заться, не говоря уже о церкви, въ домъ моего родствен-
ника, помянутаго выше земляка Аверкіева; между тѣмъ
какъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ сверстниковъ—бурсаковъ
я видѣлъ даже суконные сюртуки. Имѣя въ виду принад-
лежавшій мнѣ и хранившійся у моего опекуна и дяди
Петра Ивановича небольшой капиталъ, я рѣшился попро-
сить у него не много денегъ для пріобрѣтенія сколько-нибудь
приличнаго платья. Объ этомъ я написалъ ему 20-го марта
и письмо послалъ съ однимъ изъ земляковъ—товарищей,
отправлявшихся на Пасху домой. Просьба моя была удов-
летворена; но вотъ при семъ какое получилъ я назидатель-
ное наставленіе отъ своего отца крестнаго въ письмѣ отъ
5-го апрѣля:

Любезнѣйшій сынъ крестный

Иванъ Михайловичъ!

За пріятное письмо ваше отъ 20-го марта, въ которомъ
вы привѣтствуете насъ съ высокаторжественнымъ праздни-
комъ Христова воскресенія, приносимъ чувствительную
благодарность и такъ же васъ поздравляемъ. Желаемъ
душевно, чтобы вы, празднуя обновленіе христіанскаго рода
и природы, купно получили новыя силы къ преуспѣянію на
стези добродѣтели и мудрости. Сожалѣемъ, что вы сами
не пожаловали въ такое прекрасное время тѣмъ болѣе,
что сотоварищи ваши многіе пришли. Здѣсь, повидавшись,
о всемъ бы лично переговорили и обсудили. Вы между
тѣмъ пишете о присылкѣ денегъ на одежду, мы согласно
вашему желанію при семъ посылаемъ 15-ть рублей по
нынѣшнему курсу, но притомъ располагаемъ и то, что
многонько тратите денегъ. Конечно, нужна одежда, но вы
не забудьте, что сирота; не осудятъ умные, что не може-
те равняться съ сынами богачей. Старайтесь украшать
себя скромностію, отличаться простотою и благоразумнымъ
съ другими обращеніемъ. Золотая утварь безобразнаго не

1836 г. сдѣлаегь красавцемъ. Старая пословица: береги денежку на черный день. У васъ хотя и есть деньги, но что это за богатство?..... Извини, что такъ строго пишемъ; это отъ любви и сожалѣнія о тебѣ.....

Скажемъ о себѣ, что мы доколѣ благополучны, чего и вамъ усердно желаемъ..... Да Господа ради берегитесь отъ хвѣльныхъ напитковъ. Они губятъ насъ на будущую жизнь; берегитесь худыхъ товарищей, вѣдая, что бесѣды злыя губятъ обычаи благія. Поручая васъ водителству и покровительству Божию съ отеческою любовію, остаюсь искренно любящій отецъ крестный діаконь Петръ Ивановъ“.

Письмо писано рукою о. Сапоровскаго, но подписано собственноручно дядею Петромъ Иванычемъ. Это первое, полученное мною въ жизни, письмо произвело на меня сильное и непріятное впечатлѣніе.....

Получивъ 15-ть рублей по курсу, т. е. съ какимъ-то, не помню, лажемъ, я посиѣшилъ купить матеріи на сюртукъ и брюки; выбралъ на сюртукъ какую-то полшерстяную съ зеленымъ отливомъ матерію, а на брюки, помнится, сѣраго цвѣта. Портной не замедлил сдѣлать мнѣ платье; оно вышло довольно красивое, но-увы! не долго пришлось мнѣ любоваться его красотою. Пропло не болѣе недѣли или двухъ, какъ мой блестящій сюртукъ, частію отъ дождя, а частію отъ яркихъ солнечныхъ лучей, совершенно почти полинялъ, и я опять остался безъ платья.

Въ маѣ тѣ же рекреациі и тоже церковное торжество по случаю срѣтенія иконы Боголюбской Божіей Матери. Во второй половинѣ іюня и въ первой іюля частные экзамены, около 15-го числа торжественный актъ съ тѣми-же атрибутами, какъ и въ прошедшемъ году. На этомъ актѣ я получилъ въ даръ другой экземпляръ тѣхъ-же пѣнническихъ правилъ *Вайбакова*. На другой день намъ объявлены разрядные списки: я переведень въ числѣ первыхъ учениковъ въ среднее отдѣленіе. За тѣмъ отпускъ по домамъ.

Во время вакаціи я познакомился въ Горницахъ съ куческимъ сыномъ, Владиміромъ Александровичемъ Борисовымъ. Борисовъ—личность, въ своемъ родѣ, очень примѣчательная. Сообщу здѣсь о немъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія. Онъ родился въ 1809 году въ селѣ Нижнемъ-Ландехѣ, Гороховскаго уѣзда; по смерти отца, въ 1811

году, мать его, уроженка села Гориць. изъ купеческаго 1836 г дома Барановыхъ, переѣхала съ своимъ семействомъ на свою родину. Десяти лѣтъ его отдали учиться грамотѣ причетнику, у коего онъ успѣлъ выучить только азбуку. Въ 1820 году въ селѣ Дуниловѣ открыто было приходское училище, куда его перевели для дальнѣйшаго образованія. Здѣсь онъ изучилъ Часословъ и Псалтирь и научился писать, — тѣмъ и окончилось его образованіе. „Къ счастью, — буду продолжать далѣе словами самого Борисова, — въ это время я отыскалъ у себя въ домѣ краткую старинную географію, отъ которой былъ въ восторгѣ и никогда съ ней не разставался; пестомъ нашелъ нѣкоторыя и другія книги и въ 6-ти частяхъ собраніе путешествій *Циммермана*, отъ чего и получилъ охоту къ чтенію, а братъ мой старшій Петръ привезъ изъ Москвы и подарилъ мнѣ пространную всеобщую географію, только что тогда вышедшую, составленную *Кряжовымъ* (См. Росписаніе книгамъ *Смирдина* № 3592).... Этими книгами я для себя открылъ, казалось, новый невѣдомый міръ и сталъ читать путешествія, особливо любилъ изъ нихъ: „Путешествіе въ Хиву капитана Муравьева“ и „Плѣнь Головина въ Япошію“. Послѣ легкаго чтенія сталъ приучать себя къ болѣе серьезному, для каковой цѣли выписывалъ въ 1826 и 1827 годахъ Московскія Вѣдомости, въ которыхъ печатались тогда протоколы Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, — что и возбудило во мнѣ первую охоту къ занятію древностями... Въ 1832 году познакомился я съ извѣстнымъ Нерехотскимъ историкомъ и археологомъ, священникомъ М. Я. Діевымъ ¹⁾. Съ этого времени началъ я уже вести нѣкоторыя замѣтки о Шуйскихъ древностяхъ... Статьи же собственнаго сочиненія началъ я печатать съ 1837 года, сначала въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду и Москвитянинѣ.... Въ письменныхъ занятіяхъ много обязать я наставленіями и поправками бывшему учителю Шуйскаго уѣзднаго училища В. А. Бѣляеву, съ которымъ познакомился въ Шуѣ въ 1838 году, куда я переѣхалъ жить изъ Гориць въ 1836 году“.

¹⁾ О священникѣ (впоследствии протоіерей) Діевѣ см. Дополнительный томъ „Собраиія мѣній и отзывовъ“ митроп. *Фигарета*, № 118, стр. 426 и сл.

1836 г. Съ 1838 года начали издаваться Владимірскія губернскія вѣдомости: В. А. Борисовъ, въ продолженіи 23 лѣтъ, до самой смерти, послѣдовавшей въ 1862 году января 13 дня, — былъ ревностнѣйшимъ сотрудникомъ этой газеты. Онъ былъ притомъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ ¹⁾.

Съ этимъ-то самоучкою—археологомъ я познакомился во время каникулъ 1836-го года. Онъ былъ прихожаниномъ Дуниловской единовѣрческой церкви, при которой былъ мой зять попомаремъ. Зная, что у него въ это время была уже порядочная библіотека, я обратился къ нему чрезъ своего зятя съ просьбою дать мнѣ, для чтенія, какую-нибудь интересную книгу. Онъ прислалъ мнѣ на первый разъ исторію поэзіи, *Шевырева*, не болѣе какъ за годъ предъ тѣмъ изданную (т. е. въ 1835 году) и пожелалъ, между тѣмъ, со мною лично познакомиться. Я былъ у него нѣсколько разъ и съ большимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ о литературныхъ новостяхъ.

9-го августа, совсѣмъ неожиданно получилъ я въ домѣ своего дяди письмо изъ Москвы отъ своего пріятеля А. Рождественскаго. Вотъ что писалъ онъ мнѣ отъ 5-го числа:

„Любезнѣйшій мой другъ

Иванъ Михайловичъ!

Видно, дружечикъ, ты на меня что-нибудь сильно разгнѣвался; ибо я и по сіе время не вижу отъ васъ ни одной строчки. Хотѣлъ было я вамъ съ симъ подателемъ послать гостинчикъ; но право не знаю, живы-ли вы или нѣтъ; хотя живы, но какъ не видя отъ васъ ни малѣйшаго ко мнѣ писанія, не знаю гдѣ вы обитаете вакаціальное время, ибо у васъ родни не мало: Богъ васъ знаетъ, гдѣ васъ наизусть искать; а я право еще въ святодухи не попалъ, чтобы наизусть васъ искать. Вотъ другъ посмотри па сей хартіи и кремль нашей матушки бѣлокаменной Москвы ¹⁾. Теперь я скажу вамъ новость: колоколъ, хранящійся въ кремлѣ слишкомъ цѣлое столѣтіе, въ коемъ вѣсу 12,000 пудовъ, вытащили наружу и теперь еще не только для

¹⁾ *Ежегодникъ Влад. губ. Статист. комитета* т. 1, вып. 1, 5—7, — 1876 г.

²⁾ Видъ кремля, помѣщенный вверху этого листа, я отрѣзалъ и подарилъ своей двоюродной сестрѣ.

Москвы, но и для всей Россіи большая краса, даже и для 1836 г другихъ народовъ служить величайшимъ удивленіемъ.

Теперь я на конвертѣ имѣю право вамъ написать: *ученику философіи*; ибо списки въ Коммиссію представлены, и я третьяго дня ѣздилъ въ лавру и ихъ видѣлъ.

Прощай другъ! болѣе писать некогда, податель торопить. За симъ пожелавъ вамъ добраго здравія и всякаго благополучія, остаюсь покорный слуга вашъ Александръ Рождественскій. Августа 5-го дня 1836-го года. Москва.

Въ ожиданіи отъ васъ отвѣта.

Яковъ Пльичъ ¹⁾ гостить у насъ уже другую недѣлю и съ женой“.

Рождественскій жилъ въ это время въ Москвѣ у своего отца, игумена Амвросія.

Въ первыхъ числахъ сентября я былъ уже во Владимірѣ и готовился слушать уроки по философіи, математикѣ, физикѣ и проч.

Въ среднемъ отдѣленіи нашей семинаріи было также, какъ и въ низшемъ, три параллельныхъ класса. Мы изъ 2-го класса низшаго отдѣленія, въ полномъ составѣ, перешли во 2-й классъ средняго отдѣленія.

Преподавателями у насъ были: по философіи Максимъ Терентьевичъ Лебедевъ, по математикѣ и физикѣ—Михайла Михайловичъ Соловьевъ, по французскому языку—Михайла Якимычъ Смирновъ.

М. Т. Лебедевъ окончилъ въ 1825-мъ году курсъ въ Петербургской дух. академіи подъ № 8 въ первомъ разрядѣ, по вышелъ изъ академіи съ званіемъ старшаго кандидата съ правомъ однакожь на полученіе степени магистра по выслугѣ двухъ лѣтъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что и всѣ прочіе перворазрядные воспитанники этого курса, въ томъ числѣ и Новгородскій митрополитъ Исидоръ († 1892 г.), оставили академію съ такими-же правами. Какая была этому причина, мнѣ не случилось ни отъ кого слышать.

Профессоръ Лебедевъ слылъ у насъ серьезнымъ мыслителемъ, но, къ сожалѣнію, не обладалъ свободнымъ даромъ слова; притомъ голосъ имѣлъ тихій и выговоръ нѣсколько гугнивый, такъ что на самомъ близкомъ разстояніи съ

¹⁾ Владыкинъ.

1836 г. трудомъ можно было его слышать. Поэтому его преподаваніе не приносило для насъ большой пользы, тѣмъ болѣе, что онъ не всегда своевременно приходилъ въ классъ и былъ къ ученикамъ излишне снисходителенъ.

Оффиціальнымъ учебникомъ по предмету философіи у насъ продолжала еще быть система *Баумейстера*, но на практикѣ она стала уже выходить изъ употребленія. Еще въ 1834 году преосвященный Паросній спрашивалъ Новгородскаго владыку Серафима: „Что проекты на проекты Устава для духовныхъ училищъ?... А дряхлаго Баумейстера не смѣняють вышеопытные? А сухой Бургій не на пенсію“? и проч.... ¹⁾.

Намъ профессоръ давалъ, для изученія, составленныя имъ самимъ, вѣроятно по руководству академическихъ лекцій, записки на латинскомъ языкѣ. У меня сохранились эти записки, тщательно мною переписанныя. Вотъ ихъ содержаніе: Послѣ краткаго введенія въ философію—

I. Philosophia Theoretica:

A. Logica:—a) Pura; b) Applicata.

B. Metaphysica: a) Ontologia; b) Metaphysica naturae sensibilis; c) Metaphysica naturae intelligibilis; d) Metaphysica Psychologia; e) Psychologia empyrica; γ) Cosmologia rationalis; d) Theologia metaphysica seu rationalis.

II. Philosophia practica seu moralis:

A. Philosophia practica universalis.

B. Ethica moralis.

C. Jurisprudentia rationalis seu jus naturae.

Сверхъ сего, у меня сохранились записки по исторіи философіи, на русскомъ языкѣ. Кѣмъ онѣ были составлены, нашимъ-ли профессоромъ, или другимъ кѣмъ-нибудь, не помню.

Но такъ какъ всѣ эти записки довольно кратки, а объясненія профессора Лебедева были не внятвы, то я всегда имѣлъ подъ руками печатныя, болѣе или менѣе пространныя, руководства по всѣмъ отдѣламъ философіи. Такъ, у меня были подъ руками: 1) Введеніе въ науку философіи, *Θ. Сидонскаго* (Спб. 1833 г.); 2) Новый курсъ фило-

¹⁾ Влад. Еп. Вль. 1878 г. № 21, стр. 624.

софіи, *Жерюзе* (Спб. 1836 г.); 3) Система логики Фр. 1836 г. *Бахмана* (перев. съ нѣмецкаго Сидонскимъ) въ 2-хъ частяхъ (Спб. 1831—32 год.); 4) Исихическая Антропология, *Готтл. Шульце*, перев. съ нѣмецк. *Сидонскимъ*, въ 2-хъ книгахъ (Спб. 1834—36 г.); 5) Обзорѣніе исторіи философіи, *Фр. Аста*, перев. съ нѣмецкаго, Спб. 1831 г.; 6) Исторія философіи, архимандр. *Гавріила*, Казань; 7) Исторія философскихъ системъ, *А. Галича*, (Спб. 1818—19 г.), и 8) Очеркъ исторіи философіи по Рейнгольду, *Ө. Надежина*, Спб. 1837 года.

Для домашняго чтенія ученикамъ обязаны были, въ наше время, главные наставники брать изъ фундаментальной семинарской бібліотеки книги подъ свою отвѣтственность, въ случаѣ ихъ утраты. Нашъ почтенный профессоръ Максимъ Терентьевичъ былъ семейный человѣкъ и жалованья въ годъ получалъ не болѣе 600 рублей ассигнаціями (171 р. 43 коп. серебромъ); поэтому онъ остерегался брать изъ бібліотеки цѣнныя книги, а старался выбирать, какія подешевле и постарѣе. Мнѣ, напр., досталась изъ его рукъ маленькая по формату книжка, едва-ли не 17-го столѣтія, на латинскомъ діалектѣ подъ заглавіемъ: „*Ius saponicum*“. Такъ какъ эта книга показалась мнѣ не очень интересною, то я положилъ ее въ ящикъ и крѣпко тамъ заперъ, чтобы она не утратилась, а чрезъ годъ или два возвратилъ ее по принадлежности въ цѣлости и сохранности. О собственныхъ же ученическихъ бібліотекахъ въ наше время не было и помину.

Послѣ классныхъ уроковъ, которые для способныхъ учениковъ не были обременительны, главное занятіе наше составляли собственныя сочиненія. На эти письменныя труды всего болѣе обращало вниманіе и начальство. Темы для сочиненій давалъ намъ только главный профессоръ. Темы эти были какъ русскія, такъ и латинскія. Вотъ на какія темы довелось мнѣ писать, въ продолженіи двухъ лѣтъ философскаго курса.

1) Русскія:

1. „Любовь къ истинѣ должна одушевлять философа на поприщѣ умозрѣнія“.

1836 г.

- Сочиненію, написанное на эту тему, заслужило такой отзывъ наставника: „Похвально“.
2. „О томъ, сколь важно и необходимо въ наукѣ употребленіе силлогистическихъ выводовъ“.
На этомъ сочиненіи подписано: „Резонно“.
 3. „При какихъ условіяхъ возможно раскрытіе характера нравственно—добраго?“
Подъ этимъ сочиненіемъ профессоръ подписалъ: „Весьма хорошо“. А на верху первой страницы рукою ректора семинаріи написано: „Одобрается къ произнесенію на собраніи. 1838 года. Февр. 7 дня“.
 4. „Исторія рода человѣческаго есть памятникъ особеннаго Божественнаго промысла о человѣкѣ“.
На этомъ сочиненіи написано: „Достохвально“. Но, по желанію профессора, на эту-же тему я долженъ былъ написать другое, болѣе пространное сочиненіе, на которомъ онъ написалъ: „превосходно“.
 5. „Какое сильнѣйшее доказательство безсмертія души?“
Подписано: „Резонно“.

II) Латинскія:

6. „Multa legenda, sed cum iudicio“.
На этомъ сочиненіи сдѣланъ такой отзывъ: „Plus quam bene“. Сочиненіе это также было читано мною съ кафедры въ собраніи.
7. Weri nominis philosophia praeservat hominem ab incredulitate“.
Такая-же аттестація, какъ и на предыдущемъ сочиненіи.
8. Perturbationes animi (affectus) praeter sensationes voluptatis aut aegritudinis, an etiam quosdam appetitus vel aversationes sensitivas adiunctas sibi habent
Подписано: „Sat mentis et diligentiae“.
9. „Unde patet, revera adesse discrimen actionis moraliter bonas et malas?“
Подписано: „Laudabilime“.

10. „Quomodo fides in existentiam Dei potest ali et confirmari in homine?“ 1836 г.

Подписано: „Perquam bene“.

11. Quibusnam rationibus incitantur homines ad vitam civilem colendam?“.

Аттестация: „Optime“.

Не смотря на такіе одобрительные отзывы о моихъ философскихъ сочиненіяхъ, я не могу читать ихъ теперь безъ улыбки и не могу не видѣть въ нихъ отраженія тѣхъ мыслей и тѣхъ оборотовъ рѣчи, какіе усвоены были мною, не всегда, конечно, съ яснымъ и отчетливымъ пониманіемъ, при чтеніи книгъ и журнальныхъ статей философскаго содержанія.

Преподавателемъ математики и физики былъ, какъ я уже сказалъ, М. М. Соловьевъ. Когда мы перешли въ среднее отдѣленіе, онъ только лишь окончилъ въ Московской духовной академіи курсъ съ званіемъ кандидата и едва ли достаточно былъ подготовленъ къ преподаванію назначенныхъ ему предметовъ. По крайней мѣрѣ, на первый разъ онъ не иначе могъ разрѣшать алгебраическія и геометрическія задачи, какъ съ помощію печатнаго учебника, да и то не безъ ошибокъ. Понятно, что такое преподаваніе не могло расположить учениковъ къ внимательному слушанію уроковъ. Почтенный преподаватель убѣждалъ насъ къ занятію математикой примѣромъ самого Іисуса Христа, который въ дѣтствѣ занимаясь, подъ руководствомъ праведнаго Іосифа, древодѣлемъ, не могъ де не знать математики. Но и этотъ доводъ не имѣлъ успѣха. Съ большимъ вниманіемъ и интересомъ мы слушали уроки по физикѣ; особенно памяты для меня чтенія объ электричествѣ, потому что эти чтенія подкрѣпляемы были опытами. Въ нашей семинаріи, въ то время былъ очень жалкій физическій кабинетъ. Въ немъ была однакожь старая, испорченная электрическая машина, которую Михайла Михайловичъ счумѣлъ самъ какъ-то исправить, и не разъ приносилъ ее къ намъ въ классъ. На публичномъ экзаменѣ послѣдняго, 1838 года, М. Михайловичъ заинтересовалъ публику своимъ предметомъ. Онъ начертилъ на бумагѣ, въ довольно большомъ размѣрѣ, рисунокъ паровой машины, съ обозначеніемъ буквами и цифрами состав-

1836 г. пыхъ ея частей, и мы предъ публикою объясняли значеніе и взаимное отношеніе этихъ частей.

Тому же Михаилу Михайловичу поручено было изъясненіе Священнаго Писанія: но онъ, въ теченіе двухлѣтняго курса, далъ намъ краткія записки на Евангелія только первыхъ двухъ или трехъ Евангелистовъ.

Французскій языкъ преподавалъ намъ, какъ сказано уже, М. Я. Смирновъ — одинъ изъ послѣднихъ кандидатовъ VII-го курса Московской духовной академіи (1830 года). Если принять въ разсужденіе количество учениковъ (насъ было болѣе 100 человекъ) и краткость времени, назначеннаго для этого предмета, а именно, не болѣе двухъ послѣобѣденныхъ классовъ въ недѣлю; если притомъ взять во вниманіе очень ограниченныя свѣдѣнія въ предметъ самого наставника: то не трудно понять, какіе успѣхи могли мы имѣть въ изученіи французскаго языка.

Въ ноябрѣ 1836 года послѣдовала у насъ переменна ректора. Еще въ 1834 году преосвященный Пароеній писалъ митрополиту Серафиму о ректорѣ архимандритѣ Неофитѣ: „Владимірской семинаріи ректоръ уже лѣтъ десять ректоромъ; пора ему во владыки! — права кроткаго, жизни благочестивой, правилъ честныхъ, къ дѣлу усердень, православный“. И вотъ, можетъ быть, вслѣдствіе этой рекомендаціи, архимандритъ Неофигъ назначенъ былъ епископомъ Старицкимъ, викаріемъ Тверской епархіи. 1-го 1 ноября 1836 года Пароеній снова писалъ Серафиму о Неофитѣ: „Полагаю, что ко дню вашего ангела (8 числа), явится Владимірскій выходецъ — ректоръ, назначенный Тверскимъ викаріемъ; не оставьте его вашею благосклонностію“.

Преемникомъ Неофита на должность ректора семинаріи назначенъ былъ родной братъ его, смотритель Астраханскаго духовнаго училища, игуменъ Поликарпъ. О. Поликарпъ былъ священникомъ Ростовскаго уѣзда, Ярославской епархіи и академическаго образованія не получилъ. Назначеніе его на должность ректора семинаріи удивило всѣхъ, начиная съ преосвященнаго Пароенія, который въ томъ же письмѣ отъ 1 ноября писалъ митрополиту Серафиму: „Рѣдкій случай, что братъ его (т. е. архимандрита Неофита) родной заступаетъ, какъ бы по наслѣдству, его ректорство. Не знаю, не будетъ ли онъ слабъ и малосиленъ для Вла-

димірской семинаріи и сѣумѣеть ли управлять съ 900 1836 учениковъ и 21 преподавателемъ изъ магистровъ и кандидатовъ, не учась въ академіи, будучи безъ ученой должности 1) лѣтъ священникомъ, не бывъ преподавателемъ ни риторики, ни философіи, ни богословіи, какъ бывало въ нашихъ школахъ. Не имѣя вѣса, трудно будетъ поддержать порядокъ, не имѣя ученыхъ свѣдѣній—поддержать ученую часть, а надобно строить огромный корпусъ для семинаріи. Его бы послать въ какую-нибудь небольшую семинарію“¹⁾).

Неожиданное назначеніе о. Поликарпа на должность ректора семинаріи объяснили слѣдующимъ образомъ. Онъ былъ родной племянникъ извѣстнаго архимандрита Ростовскаго Яковлевскаго монастыря, Иннокентія; а о. Иннокентій пользовался особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ знаменитой графини А. А. Орловой-Чесменской. Вотъ по этимъ-то связямъ и отношеніямъ и состоялось назначеніе о. Поликарпа на непосильную для него должность ректора семинаріи, которую, однако-жъ, онъ занималъ около 10 лѣтъ. Во Владимірѣ онъ пріѣхалъ въ санѣ игумена, и я былъ очевидцемъ возведенія его въ санъ архимандрита, въ домовоі архіерейской церкви. Какъ теперь вижу, какъ преосвященный Пареній, при врученіи ему жезла, читалъ по книгѣ довольно длинное поученіе.

О. Поликарпъ, какъ не получившій академическаго образованія, не могъ преподавать, разумѣется, никакого предмета: но ему тѣмъ не менѣе, какъ ректору семинаріи, назначаемы были на высокаторжественные дни проповѣди.

Въ послѣднихъ числахъ ноября мимоѣздомъ изъ Кіева въ Кострому, пріѣхалъ во Владимірѣ бывшій Кіевскій викарій преосвященный *Владиміръ* (Алядинъ), переведенный въ сентябрѣ на Костромскую кафедру. Онъ посѣтилъ и нашу семинарію, въ которой былъ нѣкогда инспекторомъ. Въ наше отдѣленіе вошелъ онъ, въ сопровожденіи инспектора Митрофана, когда у насъ былъ урокъ по математикѣ. Когда преосвященный спросилъ наставника, какъ его фамилія: тотъ отвѣтилъ:-- „Соловьевъ“. — „Не сынъ ли вы священника Соловьева, который въ 1835 году умеръ у меня въ Кіевѣ

1) *Влад. Еп. Ввод.* 1878 г. № 22, стр. 645.

1836 г. и котораго я отпѣваль?“ — „Точно такъ, ваше преосвященство“.

Преосвященный Владиміръ былъ приглашенъ преосвящ. Пареніемъ вмѣстѣ съ нимъ служить въ праздникъ святи-теля Николая (6 декабря), въ высокаторжественный день тезоименитства Государа Императора Николая Павловича. Служеніе происходило въ большой крестовой церкви. Владимірцы едва ли видѣли когда-нибудь служеніе двухъ архіереевъ вмѣстѣ. Я былъ очевидцемъ такого необычайнаго зрѣлища.

Преосвящ. Владиміръ, въ мірѣ Василій Ѳеодоровичъ Алявдинъ, уроженецъ г. Владиміра, воспитанникъ 1-го курса Московской дух. академіи. По окончаніи академическаго образованія въ 1818 году, со степенью магистра, онъ назначенъ былъ инспекторомъ сначала въ Пензенскую семинарію, гдѣ онъ нашель губернаторомъ родственника своего, знаменитаго М. М. Сперанскаго; оттуда въ концѣ 1820 года переведенъ былъ на ту-же должность во Владимірскую семинарію, гдѣ и оставался до 1829-го года ¹⁾). Какъ магистръ, Алявдинъ высоко цѣнили свои ученые достоинства. Когда я учился въ семинаріи, слышалъ о немъ рассказъ слѣдующаго содержанія. Въ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ открылась настоятельская вакансія. Алявдинъ подалъ преосвященному Паренію прошеніе объ опредѣленіи его на эту вакансію и даже настойчиво требовалъ удовлетворенія своей просьбы: но преосвященный отказалъ въ его просьбѣ и предпочелъ ему заслуженнаго протоіерея Павла Ставровскаго. Алявдинъ, обидѣвшись этимъ отказомъ, подалъ въ слѣдъ за тѣмъ прошеніе о поступленіи его въ монашество и при этомъ будто-бы сказалъ: „такъ я же самъ буду не хуже его (т. е. Паренія) архіереемъ“. И вотъ его предсказаніе исполнилось.

Объ Алявдинѣ, какъ инспекторѣ семинаріи, сохраняется во Владимірѣ не очень добрая память. Вотъ что пишутъ о немъ: „По словамъ учениковъ его, наставникъ онъ былъ хорошій, образованный, даровитый; но, какъ инспекторъ,

¹⁾ См. Ист. Моск. д. акад. С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 416 и слѣд.

быль человекъ довольно жестокой, мстительный и подозрительный“¹⁾).

Начало 1837-го года ничѣмъ особеннымъ для меня не было ознаменовано.

Приближалась Пасха. Любовь къ родинѣ влекла меня въ родные Горицы, но я не рѣшился на путешествіе, не имѣя подѣ руками средствъ для проѣзда. На этотъ разъ я ограничился только выраженіемъ своего желанія побывать на родинѣ въ письмѣ къ своему дядѣ Петру Ивановичу. Въ этомъ же письмѣ я просилъ своего благопопечительнаго опекуна прислать мнѣ рублей пять на нужды мои. И вотъ какой отвѣтъ отъ 25-го апрѣля полученъ былъ много на это письмо:

„Христось воскресе! Любезнѣйшій сынъ крестный, Иванъ Михайловичъ!

За приятное и почтенное письмо твое приношу чувствительнѣйшую благодарность, а равно и за привѣтствіе съ высокаторжественнымъ праздникомъ..... Деньги пять рублей посылаю и прошу побережь оныя и по пустому не тратить, а по полученіи увѣдомь хоть по почтѣ. Деньги посылаются съ Алексѣемъ Соловьевымъ. Пустынскіе родные твои здоровы и свидѣтельствуютъ почитаніе. Такъ-же и наше семейство: Татьяна Ивановна, Пелагея Петровна и Елизавета кланяются; за симъ съ отеческою любовію остаюсь крестный твой отецъ села Гориць діаконъ Петръ Ивановъ кланяюсь“....

Письмо это, какъ и прошлогоднее, писано было рукою о. Василя Сапоровскаго, но съ собственноручною подписью Петра Ивановича.

Время отъ Пасхи до каникулъ прошло обычнымъ порядкомъ. Вакацію проводилъ я на родинѣ въ обычныхъ странствованіяхъ съ одного мѣста на другое. Единственное удовольствіе составляло для меня въ это время чтеніе и перечитываніе выписокъ изъ разныхъ книгъ, мною прочитанныхъ въ школѣ, и изрѣдка собесѣдованіе съ почтеннымъ о. Василемъ Сапоровскимъ, который циталъ ко мнѣ особенную любовь, какъ къ любознательному юношѣ, и когда я прощался съ нимъ, при возвращеніи во Владиміръ, онъ обязалъ меня писать къ нему о Владимірскихъ новостяхъ. Я съ

¹⁾ *Владим. Епарх. Вѣдом.* 1875 г. № 12, стран. 583.— „Исторія Влад. дух. семинарія“, *Кс. Надеждина*, Владиміръ. 1875 г., стр. 129.

1838 г. удовольствіемъ, разумѣется, принялъ на себя это пріятное обязательство и не замедлилъ приступить къ его исполненію.

21-го декабря я привѣтствовалъ, въ первый разъ, своего почтеннаго дядюшку о. Василия Сапоровскаго съ праздникомъ Рождества Христова, и при этомъ сообщилъ ему не мало Владимірскихъ новостей, касавшихся преимущественно семинарской сферы. Въ какихъ выраженіяхъ написано было мною первое письмо, не помню—черноваго списка у меня не сохранилось: но изъ отвѣта на это письмо о. Василия можно видѣть, о чемъ я писалъ ему. Вотъ его отвѣтъ отъ 15-го января 1838-го года:

„Любезнѣйшій племянникъ
Иванъ Михайловичъ!

Почтенное и много удовольственное письмо ваше отъ 21-го декабря прошедшаго года — получилъ въ праздникъ Рождества Христова. Въ немъ прочиталъ я искреннее ко мнѣ расположеніе, видны ваши благородныя чувства и талантъ, съ которымъ можно брести на высокую гору Аполлопа. Теките и постигнете. Разказы ваши о повѣстяхъ Владимірскихъ любопытны и занимательны. Новый профессоръ богословія бакалавръ іеромонахъ Рафаиль, по выраженію вашему, мужъ ученѣйшій что — то есть загадочное — феноменъ поваго просвѣщеннаго міра нынѣшняго. Нынѣ то надобно быть мудру, яко змія и цѣломудренну, яко голубицѣ. Старайтесь просвѣщаться такимъ свѣтомъ, который и во тьмѣ свѣтитъ и который бы тьма не объяла. Нашъ Высокопреосвященнѣйшій счастливъ такими ученѣйшими мужами и достоинъ похвалы и уваженія за то, что умѣетъ счастливить ихъ и выводить на дѣло и на дѣланіе до вечера. Профессоръ Надеждинъ не братъ ли Надеждину, издателю „Молвы“? ¹⁾ Не онъ ли съ профессоромъ Михайломъ Михайловичемъ Соловьевымъ проѣзжали мимо моего дома? Какъ жалѣю, что не посѣтили меня. Михаилу Михайловичу, кажется, грѣшно и не посѣтить! При сихъ напоминаніяхъ нельзя не порадоваться или не позавидовать вамъ. Въ семинаріи вашей сколько ученыхъ и учености! Какъ не быть умному ученику, какъ не учиться охотно. Бывало у насъ и — радъ бы учиться да не у кого, и

¹⁾ „Телескопа“

радъ бы читать, да нечего. Нынѣ журналы и журналисты 1838 г съ вами. Вотъ и Раевичъ—студентъ Дерптскаго университета — новое свѣтило или комета. Дай Богъ явиться мірови и блеснуть. Жалко того, что сіи блестящіе метеоры скоро упадутъ съ высоты звѣздной на землю. Поприще литературное столько многотрудно, особенно молодому питомцу безъ руководства и пособія сильныхъ, какъ ледовитый океанъ. Я зналъ поэта Куликовскаго — стихи его чисты, увлекательны; но они скоро положили его во гробъ и кромѣ друзей никто о немъ не вспомняеть. Но оставимъ всѣ такія критическія сцены... *Gutta cavat (lapidem) non vi, sed saepe cadendo.*

Время поговорить, даже и кстати о почтенномъ Владимірѣ Петровичѣ. О немъ много я слышалъ, но лично не зналъ. Его покойный братъ протоіерей Ивановскій былъ мнѣ другъ. Вотъ какъ время, случаи или лучше Провидѣніе водитъ насъ на пути странствія земнаго. Господь, яко премудрый, знаетъ, гдѣ насъ поставить, знаетъ доколѣ и длить нашу жизнь, знаетъ какъ и руководствовать при стезяхъ соблазновъ и коварствъ властей и міродержителей тьмы вѣка сего. Одно насъ губить, что идемъ часто инымъ путемъ,—это иначе зовется своеволіе. Не отношу такого разсужденія къ умершему, да и не смѣю по латинской пословицѣ: „*De mortuis nil, nisi bene*“. Берегу васъ легкокрылыхъ витязей. И что же говорить? Онъ содержалъ поприще своей жизни какъ должно и можетъ быть сколько должно—скопчался вмаля. исполнивъ лѣта долга. Онъ услужилъ любомудрію и вамъ учащимся; за то и владыка и ученики почтили его славнымъ погребеніемъ. Стихи Пѣхотина и меня порадовали, наиболѣе потому, что имѣлъ къ покойнику признательное состраданіе и любовь, выразилъ, хотя не ясно, странническую и страдальческую жизнь его....

Прошу писать почаще—и не невять, что не скоро отвѣчаю,—а увѣряю, что на каждое письмо хоть строку настрою. Пожелавъ вамъ успѣховъ въ просвѣщеніи, остаюсь любящій старопечатный іерей Василій Саноровскій“.

Объясню содержаніе письма.

Іеромонахъ Рафаиль, о которомъ я сообщалъ о. Саноровскому и о которомъ онъ упоминаетъ въ своемъ

1838 г. письмѣ, окончилъ въ 1827 году въ Кіевской дух. академіи курсъ первымъ магистромъ; до монашества назывался Степанъ Димитріевичъ Шинулинскій, родомъ изъ Черниговской епархіи. По окончаніи курса, оставленъ былъ при академіи бакалавромъ по каѳедрѣ церковнаго краснорѣчія. Въ 1830-мъ году, вслѣдствіе умопомѣшательства ¹⁾, посланъ былъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь въ заточеніе. Объ немъ упоминаетъ уже въ своемъ письмѣ отъ 13-го апрѣля 1831 года къ митрополиту Серафиму преосвященный Владимірскій ²⁾. А въ 1836 году тотъ же преосвященный ходатайствовалъ уже предъ Новгородскимъ владыкою объ освобожденіи изъ заточенія о. Рафаила ³⁾. Ходатайство сострадательнаго ахрипастыря было уважено, и ученый бакалавръ переведенъ былъ изъ Суздальскаго монастыря во Владимірскій архіерейскій домъ. Здѣсь, чтобъ онъ не оставался въ праздности, ему поручено было сначала чтеніе богословскихъ ученическихъ сочиненій, а за тѣмъ на мѣсто выбывшаго изъ Владиміра ректора семинаріи, архимандрита Неофита, онъ назначенъ былъ въ 1837 году профессоромъ богословскихъ наукъ въ 3-мъ высшемъ отдѣленіи.

Профессоръ Надеждинъ. Феодоръ Михайловичъ Надеждинъ, по окончаніи курса въ С.-Петербургской дух. академіи въ 1837 году, назначенъ былъ профессоромъ философіи во Владимірскую семинарію на мѣсто Я. В. Миловскаго, перешедшаго на службу въ губернскую гимназію въ званіи законоучителя. Надеждинъ, молодой магистръ, былъ очень солидный и основательный преподаватель, одинъ изъ лучшихъ въ свое время наставниковъ семинаріи. Надеждину—издателю „Молвы“ нашъ Владимірскій Надеждинъ не доводился, кажется, ни въ какомъ родствѣ.

Владиміръ Петровичъ Целебровскій. Магистръ IV курса (1824 года) Московской дух. академіи; преподавалъ греческій языкъ и отличался проповѣдничествомъ. Вотъ какъ характеризуетъ его одинъ изъ его учениковъ: „Сухоща-

¹⁾ „Исторія Кіевск. дух. академіи“, В. Аскоценскаго, СПб. 1863 г. стр. 117. Письмо Моск. митр. Филарета къ архіеп. Паревнію (№ XXVI).

²⁾ *Влад. Еп. Вѣд.* 1878 г. № 13, стр. 417.

³⁾ Тамъ же № 22, стр. 644.

вый, нескладный, всегда серьезный, онъ слылъ въ средѣ 1838 г наставниковъ дорогимъ умницей; его проповѣди пресвященный Паросній трактовалъ, какъ умнѣйшія изъ всѣхъ. Какъ преподаватель, онъ ревностенъ былъ къ своей обязанности, и, хотя греческій языкъ не имѣлъ видимаго значенія, на него смотрѣли вскользь, по, уважая глубоко наставника, мы по возможности занимались этимъ предметомъ¹⁾.

И этотъ глубоко уважаемый наставникъ былъ подверженъ меланхолии въ такой степени, что подъ ея вліяніемъ онъ рѣшился оскопить себя. Вслѣдствіе сего, онъ долго находился въ семинарской больницѣ такъ, что я почти не видалъ его ни разу при жизни. Наконецъ въ исходѣ 1837 года онъ умеръ, и я былъ при его погребеніи²⁾.

По случаю смерти профессора Целебровскаго написаны были ученикомъ высшаго отдѣленія Алексѣемъ Пѣхотинымъ стихи, которые такъ понравились о. Сапоровскому. Къ сожалѣнію я не оставилъ у себя списка съ этихъ стиховъ; но у меня сохранились другіе стихи Пѣхотина, подъ заглавіемъ; „Аендорская волшебница“, произнесенные имъ 9-го апрѣля 1837 года въ общемъ собраніи съ каведры. Вообще, Пѣхотинъ отличался замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ. По окончаніи семинарскаго курса, онъ поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ Московскій университетъ.

Къ Пасхѣ писалъ я о. Василию Сапоровскому поздравительное письмо и вотъ что получилъ отъ него въ отвѣтъ отъ 10-го апрѣля:

„Удовольственное и весьма интересное письмо ваше получилъ во второй день праздника св. Пасхи. На привѣтствіе ваше съ свѣтлымъ праздникомъ восклицаю: воистину воскрес!.....“

Папрасно вы извиняетесь, что я буду оскорбляться вашими рассказами или письмами. Пріятенъ лепетъ едва начинающаго гогорить младенца особенно для любящихъ родителей и попечителей; какъ же не порадоваться, не восхититься чувствами, размышленіями — свѣтлыми пе-

1) *Владим. Епарх. Вѣдомости* 1875 г. № 13, стр. 638.

2) О Целебровскомъ писалъ пресвящ. Паросенію М.М. Филаретъ (письмо XXII).

1838 г. реливами пламеннаго юноши, обѣщающаго пріятную надежду въ будущемъ,—юноши любомудра.....

Чудо, совершившееся надъ ученикомъ гимназіи, достойно замѣчанія, но едва-ли повѣрятъ, что оное происшествіе истинно. Нынѣшніе фанатики и сами такъ ухищрены, такъ лукавы, что могутъ преображаться и во ангела свѣтла: такъ при томъ недовѣрчивы и люди, что не только сему страшному диву, но и аще кто изъ мертвыхъ воскресеть не повѣрятъ. Конечно какъ бы не вѣрить,—когда Богъ и нынѣ той же, каковъ былъ и будетъ во вѣки,—такъ же и нынѣ поругаемъ быть не восхоощеть,—по крайней мѣрѣ мы имамы вѣру, а между тѣмъ подождемъ и окончанія сей чудной исторіи. Не менѣе занимательна и слѣбная стихотворка. Давно сказано, что слѣбцовъ умудряетъ Господь. Нѣтъ-ли въ семь дѣлѣ хитростей священника? Наша братія такъ же затѣйливы и стараго поколѣнія, а новаго и еще затѣйливѣе. Впрочемъ и то похвально, хоть слѣбные стануть учить зрячихъ—много спячихъ умниковъ въ духовенствѣ. Свѣтскіе литераторы завалили кучами книгъ всѣ бібліотеки, такъ что сору и вздору не выскребешь до конца міра,—пищи духовной рѣдко попадаетъ въ руки намъ грѣшнымъ, и духовные писаки пустились искать философскаго камня. Обѣщали преосв. митрополита проповѣди—да и доселѣ не видимъ. Время поговорить и о своихъ дѣлахъ. Новостей у меня нѣтъ на примѣтѣ. Происшествія встрѣчались болѣе плачевныя, нежели радостныя. Погребли мы свата Ксенофонта Матвѣича, на предпоследней недѣлѣ великаго поста добрую Катерину Борисовну—жену Калашникова: при сихъ случаяхъ говорилъ я рѣчи въ утѣшеніе сѣтующихъ; имъ оныя очень понравились, но къ вамъ не посылаю, а посылаю стихи, написанные въ скорости почтеннѣйшему учителю моему Василю Ивановичу Смирнову. Были мы на слѣдствіи съ нимъ и, читая въ газетахъ баснословную Крылову гимнъ, далъ я слово въ шуткахъ и написалъ подражаніе на имянины. Вы не ищите въ немъ ни мудрости.—ни таланта:—сельская балабайка не Петербургская муза; мнѣ вздумалось, что и мы умѣемъ чувствовать, какъ и бояре,—чтимъ и должны чтить учителей и благодѣтелей. Стихи не кажите.....

Стихи, написанные о. Салоровскимъ ко дню ангела Шуйскаго протоіерея Василя Ивановича Смирнова (быв-

шаго зрителя духовнаго училища) въ подражаніе гимну 1838 г князя Вяземскаго въ честь баснописца Крылова ¹⁾, слѣдующаго содержанія:

День счастливый, день прекрасный
Наступаетъ и у насъ;
Клиръ почтенный, клиръ согласный
Посѣтитъ за утро васъ;
Не на свадьбу золотую,
Не жену смотрѣть младую:
Съ вами радость раздѣлить.....
Новый даръ Богъ посылаетъ,
Онъ вамъ жизнь еще продлитъ
На земли благословляетъ.....
Болѣе живи годовъ,
Ты нашъ дѣдушка Смирновъ!
Съ музою и ты родился
И наперсникомъ у ней
Долго такъ же находился.
Развелся своей семьей;
И семья дѣтми богата
Дѣти славныя-жь ребята! ²⁾
Дѣти все умны въ отца,
Ихъ горятъ къ тебѣ сердца.
Кроткій мужъ, достопочтенный!
Гимнъ Московскій, гимнъ священный
Вамъ воспѣтъ дерзнулъ одинъ
Изъ сыновъ послѣдній сынъ:
Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ,
Здравствуй съ дѣтками своими.
Здравствуй, дѣдушка Смирновъ!
Намъ не только что пристойно
Мудрецомъ васъ величать;
Но и должно и достойно

¹⁾ 50-ти лѣтній юбилей *И. А. Крылова*, по поводу коего сочинены стихи Вяземскаго „къ Дѣдушкѣ Крылову“, — описанъ въ книгѣ: „Литературныя воспоминанія“ *И. И. Панаева*, СПб. 1876 г., стр. 112—114.

²⁾ Иереи, протоиереи, архіереи и архіенискобы—его бывшіе ученики — азъ уже послѣдній старовѣръ.

1838 г.

Благодѣтелемъ назвать.
Ты былъ ректоромъ духовнымъ
И поэтомъ очень скромнымъ;
Завсегда преподавалъ
Ты спасительны уроки;
Вѣры догматы высоки
Богомудро толковалъ.
Ты не рѣдко утѣшался
Простотой дѣтей своихъ
И тѣмъ лучше умудрялся
Истреблять пороки въ нихъ.
Ловкаго не зналъ обмана,
Не кололъ изъ подъ пера...
(Петръ какъ быть хвалилъ Ивана,
Также и Иванъ Петра).

Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ,
Здравствуй, съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Смирновъ!
Музы храмъ тобой оставлень,
Хоть и жалко, жалко ей....
Ты къ Ѳемидѣ въ храмъ поставлень
Чтобъ дѣла судить дѣтей.
Ты и здѣсь умомъ блистаешь, —
Добродушіе являешь
И къ строптивымъ иногда;
Ты идешь стезей прямою
И невинность съ простогою
Не стѣсняешь никогда.
Ты не любишь воздаяній,
Кто достоинъ наказаній,
Тотъ заслуживаетъ месть:
Злоба, зависть, хитра лесть
Можетъ быть и постигаютъ
Часто сѣти—и пытаются
Какъ-нибудь въ нихъ заманить:

Но не могутъ уловить.

Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ,

Здравствуй, съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Смирновъ!

Царь и церковь наградили
Такъ же ваши и труды.
Вы того достойны были.....
Вы умножите плоды
Добрыхъ дѣлъ, жизнь продолжая.
Слава—какъ труба золотая
Ихъ потомству передастъ;
Вамъ потомство долгъ отдастъ.
Господа молю вселенной,
Чтобъ въ вѣкъ мирный, вождельный
Здравымъ васъ всегда хранилъ
И еще бы наградилъ.....

Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Смирновъ!

На сіе отвѣтомъ было:

Пріятно дѣдушкѣ отъ дѣтокъ поздравленье:
Еще-бъ пріятнѣе ихъ лично посѣщенье“!

Скажу здѣсь нѣсколько словъ о моихъ занятіяхъ частными уроками въ дворянскомъ домѣ. Еще въ октябрѣ 1837 года я рекомендованъ былъ для преподаванія уроковъ дѣтямъ Шуйскаго помѣщика Семена Аркадьевича Лазарева-Станицева, проживавшаго съ семействомъ во Владимірѣ и занимавшаго какую-то должность по учрежденію Приказа Общественнаго призрѣнія. Я преподавалъ тремъ дочерямъ его законъ Божій, русскую грамматику, ариметику, географію и русскую гражданскую исторію. Въ вознагражденіе за эти труды назначено мнѣ было по 10 рублей ассигнаціями въ мѣсяць. Къ сожалѣнію, эти уроки продолжались не болѣе 6 мѣсяцевъ: семейство Станицевыхъ на лѣто уѣхало въ деревню, въ 8 верстахъ отъ Шуи, и болѣе уже во Владимірѣ не возвращалось. Получивъ за 6 мѣсяцевъ 60 рублей, я сдѣлалъ для себя на эти деньги суконную пару — сюртукъ и брюки, и былъ очень счастливъ. Но кромѣ матеріальной выгоды, я получилъ отъ своихъ занятій и нѣкоторую духовную пользу: повторилъ, съ большимъ

1838 г. уже пониманіемъ, тѣ предметы, которые я изучалъ почти механически въ училищѣ и сверхъ сего имѣлъ поводъ прочитать почти всю исторію Карамзина. Итакъ справедливо древнее римское изреченіе: *docendo discimus*.

Когда я былъ въ среднемъ отдѣленіи семинаріи, во мнѣ возбудилось сильное желаніе получить высшее академическое образованіе. Вслѣдствіе сего, я предварительно началъ запасаться академическими записками по философіи и богословію. По философіи у меня списаны были записки, частью на латинскомъ, частью на русскомъ языкѣ, знаменитаго въ то время профессора философіи въ Московской духовной академіи, *Ө. А. Голубинскаго*, содержація въ себѣ умозрительную и опытную Психологию ¹⁾. По предмету Богословія у меня сохранились отъ того времени лекціи еще болѣе знаменитаго ректора Кіевской духовн. академіи, архимандрита *Иннокентія (Борисова)* „о Религіи естественной и откровенной“ ²⁾.

Въ половинѣ іюля 1838 года, послѣ частныхъ испытаній и публичнаго экзамена, на которомъ я награжденъ былъ, по обыкновенію, книгою, насъ перевели изъ средняго отдѣленія въ высшее.

Когда я пришелъ на каникулы въ Горицы, меня приняли тамъ уже съ большимъ вниманіемъ, нежели прежде; сама тетка Татьяна Ивановна измѣнила свой прежній суровый тонъ обращенія со мною на болѣе ласковый и привѣтливый. А о. Василій Сапоровскій каждый разъ, когда я посѣщалъ его, принималъ меня съ самымъ искреннимъ радушіемъ и любилъ бесѣдовать со мною объ ученыхъ и литературныхъ новостяхъ.

По возвращеніи съ каникулъ, мы съ обновленными силами предались изученію богословскихъ предметовъ.

Преподавателями у насъ, во 2-мъ отдѣленіи, были:

1. По классу богословія — іеромонахъ Діонисій (до мо-

¹⁾ Чтенія по Умозрительной Психологіи профессора *Голубинскаго*, съ нѣкоторыми измѣненіями противъ моей рукописи, изданы бывшимъ студентомъ академіи XIV курса, послѣ Московскимъ протоіереемъ *Вл. Гр. Назаревскимъ* († 1881). М. 1871 г.

²⁾ Напечатаны и эти лекціи въ полномъ собраніи сочиненій преосв. *Иннокентія*, архіеписк. Херсонскаго, т. X, Сиб. 1875 г. и т. XI, 1877 г.